

АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАВЕНСТВА

Фоменко С. В.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Аннотация. Автор предпринимает попытку реконструировать взгляд на проблему равенства, как он изложен в главном «политологическом» труде Аристотеля - «Политике». В противовес современным подходам, мыслитель, выделявший два типа равенства, готов был распространить на сферу материальной жизни и количественное (имущественное) равенство, но в сфере политики признавал лишь равенство качественное, т.е. в нашем понимании равный доступ к власти отрицал. Считая гражданином лишь того, «кто стоит в известном отношении к государственной жизни», он неравенство прав граждан в области политики обосновывал разной степенью их вовлечённости в политическую жизнь, а также аргументами этического порядка.

Ключевые слова: Аристотель, равенство, количественное равенство, добродетель, качественное равенство.

Несмотря на то, что первая из самых значительных революций современности проходила под лозунгом свободы, равенства и братства, понятие «равенство» не входит в число основных категорий «общественных наук». Между тем, как писал крупнейший мыслитель современности, будущее общества зависит от того, удастся ли ему найти модель развития, обеспечивающую и свободу, и равенство людей, Указывая на то, что благодаря демократам, не разделяющим два этих понятия, данное единство стало именоваться с недавних пор «равно-свободой» (*egaliberty* или *equaliberty*), Валлерстайн считал: мир стоит “перед жёстким выбором: либо «равно-свобода», либо ни свободы, ни равенства; или реальные усилия, направленные на инкорпорирование в общество всех и каждого, или глубоко разделённый мир” [1, с. 132, 136-137].

Огромное значение проблемы обеспечения равенства для дела стабилизации политической системы фактически осознавали уже отцы-основатели политической науки. В связи с этим автор предпринимает попытку реконструировать взгляд Аристотеля на проблему равенства, как он изложен в его главном «политологическом» труде - «Политике».

Воссоздать взгляды Аристотеля непросто не только потому, что труды периода античности дошли до нас благодаря многочисленным их переписываниям в позднейшую эпоху с неизбежным в ходе этого процесса искажением текстов. Текст «Политики» “не был окончательно обработан Аристотелем: в нём немало вставок, повторений или вариантов одной и той же мысли, противоречий и пропусков” [2, с. 197]. Всё ещё более осложняется, когда имеешь дело с переводами «Политики». Тем не менее, текст невероятно ценен, ибо в его основе “огромный фактический материал, касающийся 160 греческих конституций” [3, с. 93]. Только книга 5-я труда содержит примеры из жизни около 54 государств “эллинского и варварского мира” [2, с. 197].

По словам самого Аристотеля, целью «Политики» являлся поиск «наилучшего государственного строя», т.е. такого, что «даёт возможность всякому человеку *благодействовать* и жить *счастливо*» (курсив везде мой. – С.Ф.) [4, с. 280] (а не “жить согласно их (людей) стремлениям”, как это иногда трактуется [5, с. 107]). В связи с этим «философом действительности» [4, с. 91] осмысливались как причины гибели и вырождения режимов, так и «настроения людей, поднимающих мятеж» [4, с. 200].

Любой режим, понимал учёный, может пасть и от внутренних, и «от внешних причин» [4, с. 219]. И всё же «возмущения и государственные перевороты» имеют в преимущественно внутренние основания: обиженные поднимаются, «стремясь сохранить равенство» [4, с. 213]. Поэтому-то «то равенство, добиться которого для народной массы стремятся демократы, среди равноправных не только правомерно, но и полезно», хотя вопрос: в чем заключается равенство или неравенство – «представляет трудность» [4, с. 121]. Писал Аристотель и о том, что крушение политий и аристократий связано часто со «встречающимися в самом их государственном строе отклонениями от справедливости» [4, с. 217]; «по общему (же) представлению *справедливость есть некое равенство*» [4, с. 121]: «...Справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется несправедливостью, и так и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных» [4, с. 111].

Речь шла лишь о равенстве равноправных не случайно. Может быть, потому, что мыслитель не являлся гражданином Афин, он даже в рабе готов был видеть человека, приветствуя, например, «вольное существование рабов» [4, с. 263]. Но говоря об обществе, Аристотель как человек своего времени, конечно же, не брал рабов в расчёт. Что касается людей свободных, он делил их на две «диаметрально противоположных» части: на богатых и неимущих, на знатных и простой народ [4, с. 157], на состоятельных и неимущих [4, с. 246], на «порядочных (εἰσέκεις) и народную массу» [4, с. 223]. При этом в главах о формировании государственных органов под народом подразумевались лишь граждане, т.е. в эллинской трактовке - те, «кто участвует в суде и в народном собрании» [4, с. 93].

Различая по два вида справедливости и равенства, мыслитель считал, что в сфере политики должен господствовать принцип не количественного, а качественного равенства. Неоправданно игнорируя значение боевых качеств отдельных воинов, он писал: «Государство – не то же, что военный союз: в военном союзе имеет значение лишь количество членов»; люди же, составляющие государство, «различаются между собой по своим качествам (εἰδει)» [4, с. 41], т.е. по степени входящих в эллинское понятие достоинства «свободы, богатства, образованности, благородства происхождения...» [4, с. 177]. Поэтому «ни равные в чём-то одном не должны быть равными во всём, ни неравные в чём-то одном - неравными во всём» [4, с. 123]. Это умозаключение лучше всего раскрывает аристотелевская фраза: «Вообще повсюду причиной возмущений бывает отсутствие равенства, коль скоро ему не соответствует действительное неравенство, ведь и пожизненная царская власть есть неравенство, если она имеется среди равных» [4, с. 198].

В целом аристотелевское понимание равенства далеко от распространённого представления, будто для него демократия «представляет собой неправильную форму государственной власти, поскольку отождествляет между собой относительное и абсолютное равенство... Абсолютное равенство между свободными людьми невозможно, так как они имеют разные способности и потребности, обладают неодинаковой собственностью» [6, с. 17]. Мыслитель не считал демократию самой неправильной формой государства, ставшей таковой из-за своего неправильного подхода к проблеме равенства.

Всем политологам известно встречающееся в «Политике» определение тирании, олигархии и демократии в качестве неправильных или «ошибочных (οὐκαλῶς)» [5, с.107] видов государственного устройства, «отклоняющихся» от «правильных видов»: царской власти, аристократии и политии [4, с. 93,148]. Однако эта классификация политических режимов у Аристотеля не единственная. Мыслитель, например, писал, что «правильнее и лучше» другое деление государственных форм, «согласно которому существует два или один вид прекрасного государственного устройства, а все остальные виды – (это) отклонения от наилучшего» [4, с. 152], причём демократия – «наиболее умеренный из отклоняющихся видов» [4, с. 149]. Отвергая лишь «крайнюю демократию» - один из 5 её видов, при которой, как и при тирании, в почёте лъстецы [4, с. 241], Аристотель подчёркивал: «И демократия, и олигархия, несмотря на их отклонения от наилучшего строя, могут иметь сносное устройство» [4, с. 228]. И хотя в данном случае речь шла, по-видимому, лишь об «олигархии, отличающейся умеренностью» - той, что «приближается к политии» [4, с. 184], учёный считал: «Демократический строй представляет большую безопасность, нежели олигархический...» [4, с. 199].

Т.е. Аристотель не осуждал огульно демократию, хотя под последней подразумевал в основном не просто власть большинства, а *власть неимущего большинства*. Но в то же время он не одобрял и равного доступа к власти, практиковавшегося в ряде демократических государств-полисов. Мыслитель понимал, что управление государством требует «политической мудрости» [4, с. 156] и особых личностных качеств, охватываемых понятием добродетели.

«Добродетель» эллинов – это «понятие доброкачественности» данного существа [3, с. 93]. Платон, например, считал, что опора его идеального государства – добродетель - должна выражаться в мудрости, храбрости, самообладании, справедливости, т.е. подразумевать и высокие нравственные качества человека [3, с. 77]. Примерно так же понимал добродетель и Аристотель: это «скромность, мужество, справедливость», разум и мужественность, «чувство справедливости и рассудительности» [4, с. 34, 117, 294]. Т.е. неравенство прав свободных людей в области политики обосновывалось во многом «аргументами этического порядка» [7, с. 733], а также разной степенью вовлечённости граждан в политическую жизнь.

Для Аристотеля «не всякий хороший человек...является гражданином» [4, с. 99]; гражданин - это «только тот, кто стоит в известном отношении к государственной жизни» [4, с. 105]. В будущем, писал он, «в наилучшем государстве добродетель мужа и добродетель гражданина должны быть тождественны», но пока что наилучшим видом государства «является тот, в котором управление сосредоточено в руках наилучших».

А это случится тогда, когда «либо кто-нибудь один из общей массы, либо целый род, либо вся народная масса *будет иметь превосходство в добродетели...*» [4, с. 143-144].

То есть Аристотель в принципе не возражал против участия народа в политической жизни, но лишь при условии обретения им гражданской добродетели. Пока же наличие последней отрицалось по причине того, что тяжёлый труд лишал простых людей досуга, а значит и необходимой степени вовлечённости в политику. Лишь этим соображением обосновывался известный аристотелевский тезис: «...Наилучшее государство не даст ремесленнику гражданских прав» [4, с. 103].

Однако поскольку народ уже обладал гражданскими правами, возникал вопрос: «... В каком объёме можно допустить для граждан приобщение к государственной жизни?» [4, с. 40]. Ответом являлась аристотелевская трёхчленную модель государственного управления: все граждане допускаются к судебной [4, с. 182], а также к «законосовещательной» [4, с. 186] или «совещательной, т.е. верховной, власти в государстве» [4, с. 252], а вот исполнительная власть, сказали бы мы, - «должности (*archas*)» находятся в руках лишь добродетельных [4, с. 269]. (И только военным делом, в силу его специфики, могут руководить просто профессионалы). Наконец, осознавая необычайную сложность дела государственного управления, Аристотель считал: «...Было бы лучше, если бы правили... одни и те же люди», хотя вряд ли «это возможно осуществить во всех без исключения случаях» [4, с. 41-42]. На практике, однако, в условиях эллинской прямой демократии, констатировал учёный, «равные уступают по очереди своё место равным, как будто они подобны друг другу» [4, с. 41-42], хотя вообще-то «в государствах установилось такое обыкновение: *равенства не желать, но либо стремиться властвовать, либо жить в подчинении*, терпеливо перенося его» [4, с. 176].

Помимо проблем политического равноправия Аристотеля волновал и ещё один аспект равенства – тот, что в отечественном обществоведении принято называть «материальным», а за рубежом часто - выравниванием «условий...жизни... с помощью законодательства» – один из 4-х аспектов, отличный от “1) онтологического равенства, 2) равенства возможностей при достижении целей...(и) 4) фактического равенства” [8, с. 256].

Исходя из того, что в каждом государстве есть «очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими» [4, с. 172], Аристотель писал: «...Те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большом количестве, где они – в лучшем случае – сильнее обеих крайностей». Когда же «одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания» [4, с. 174].

Но Аристотель не ограничивался только констатацией огромной роли в обществе средних слоёв, достаточно известной в политологии. Несмотря на свою критику «платоновского коммунизма», он, с точки зрения «ярого» либерала, тоже являлся скорее коммунистом, поскольку предлагал ряд государственных мер с целью уменьшения имущественного неравенства. Учёный полагал, например, что «один человек не должен получать несколько наследств, а только одно», ибо только «таким путём можно было бы в большей степени *соблюсти имущественное равенство* и большинство из неимущих достигло бы благосостояния» [4, с. 225].

Вопреки распространённому мнению, будто Аристотель был принципиальным противником общественной собственности, он считал также, что «немалые преимущества имеет...тот способ пользования собственностью...который...совмещает в себе хорошие стороны обоих способов..., именно общей собственности и собственности частной» [4, с. 48].

Имущественные ограничения мыслитель готов был распространить даже на главное богатство своего времени - землю. «Что уравнивание собственности имеет значение для государственного общения, - писал он, – это, по-видимому, ясно сознавали и некоторые из древних законодателей. ...Солон установил закон ..., по которому запрещается приобретение земли в каком угодно количестве...»; Платон полагал, что «не должно быть дозволено приобретать собственность, превосходящую более чем в пять раз наименьшую существующую собственность» [4, с. 61]. И если в «Законах» (то ли Сократа, то ли Платона) допускается «увеличение всякой собственности до пятикратного размера, то почему, - задавал вопрос Аристотель, - не применить то же самое до известного предела и к земельной собственности?» [4, с. 57]. Писал он и о том, что поскольку «богатство заключается и в обладании рабами, стадами, деньгами, в разнообразных предметах так называемого движимого имущества», «*нужно стремиться установить во всём либо равенство, либо какую-либо среднюю меру...*» [4, с. 65].

Правда, вслед за такого рода размышлениями у мыслителя шли предостережения: «...Имущественное равенство представляется до некоторой степени полезным во взаимных отношениях граждан, устраняя между ними несогласия, но, вообще говоря, большого значения оно отнюдь не имеет. ... Дело в том, что вождения

людей по природе беспредельны» [4, с. 64]. Аристотель был убежден: «...Законодателю недостаточно ещё уравнивать собственность», поскольку «люди вступают в распри не только вследствие имущественного неравенства, но и вследствие неравенства в получаемых почестях»; «скорее уж следует уравнивать человеческие вожделения...» [4, с. 61, 62]. И так как это достигается воспитанием [4, с. 123], весомая часть «Политики» была посвящена педагогике.

Но в целом мыслитель не сомневался: в интересах устойчивости политического режима следует «остерегаться того, чтобы одна часть гражданского населения слишком благоденствовала; ... следует пытаться либо сблизить неимущих с состоятельными, либо усилить средних граждан – последнее средство ведёт к прекращению внутренних распрей, возникающих на почве неравенства» [4, с. 223-224].

В целом проблема равенства занимала в теоретических построениях Аристотеля гораздо более видное место, чем считается. Немало заимствуя у эллинов, представители либеральной мысли сознательно замалчивали эту часть аристотелевского наследия, ибо для них «равенство представляется нивелирующей, антиинтеллектуальной, несомненно экстремистской идеей». «Либералы не просто отдают предпочтение свободе; они враждебны идее равенства, так как они враждебны любым идеям, нацеленным на результат, а понятие равенства имеет смысл только в этом значении» [1, с. 132]. Закат «эпохи либерализма» требует более внимательного анализа данного пласта идей мыслителя, который за 2,5 тысячи лет до нас понял, что «более слабые всегда стремятся к равенству и справедливости, а сильные нисколько об этом не заботятся» [4, с. 258]. Это тем более необходимо, что продолжают существовать страны, где «официально принятая версия демократии», неотделимая от понятия равенства, не ограничивается сферой политики, а «распространяется и на другие аспекты общественной жизни» [9, с. 373].

Ссылки

1. Валлерстайн И. Либерализм и демократия. Братья-враги? // Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С.120-142.
2. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Лекции по истории Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб: Издательский дом «Коло». 2005. 672 с.
3. Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. М.: Астрель. 2007. 988 с.
4. Аристотель. Политика / Пер. с др.-гр. С.А. Жебелева. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 352 с.
5. Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
6. Ланцов С.А. Политология. Учебник для академического бакалавриата. 2-е изд, испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 454 с.
7. Рен Р., Куманьков А.Д. Город в облаках. Аристотелевская критика концепции государства Платона. Философские науки. 2013, №1. С.107-116.
8. Кечекьян С. Ф. Аристотель // Советская историческая энциклопедия. Т.1. М.: Советская энциклопедия. 1961. Стлб.732-735.
9. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / Пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева. М.: ОАО «Изд-во «Экономика», 1999. 428 с.

Краткая информация об авторе

Фоменко Светлана Владимировна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории ОмГУ.

Научные интересы: новейшая история, социальные институты, общественно-политические движения.

SpIn-код автора: 6999-7243.